

- ¹⁰ Гассер Ханс-Петер. Международное гуманитарное право. Введение. — М., 1995. — С. 81—82.
- ¹¹ Там же, с. 82.
- ¹² Международное право. Ведение боевых действий. Сб. Гаагских Конвенций и иных соглашений. — Ж., 1995. — С. 186, 215, 218.
- ¹³ А/8055/Add. 1.
- ¹⁴ Ковалев М.И. Генетика. Человек и его права. — Государство и право. — 1994, № 1. — С. 14—15.
- ¹⁵ Резонанси. — 1997, ноябрь.
- ¹⁶ Комсомольская Правда. — 1997. Т44.
- ¹⁷ Квачадзе М. Использование новых биологических возможностей в медицине и правовые аспекты, связанные с ним. — Совершенно секретно. — Тб. 1997, № 19.
- ¹⁸ International Digest of Mealth legislation. — 1998(I).
- ¹⁹ Иойрыш А.И., цит. раб, с. 106.
- ²⁰ Государство и право. — 1994, № 1, ц.р. Ковалева М.И., с. 22.
- ²¹ Аргументы и факты. — 1997, № 12.
- ²² Там же.

Статья поступила в редакцию в марте 1999 г.

ПОНЯТИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО МОДЕЛЕЙ

В.Р. Енгибарян*

Эволюция федерализма имеет свою многовековую историю, а конституционно-правовое установление его принципов — около двух столетий. Государственно-правовая наука свидетельствует, что элементы федерации появились еще в средневековом обществе, а зрелые формы федеративных отношений стали формироваться в периоды новой и новейшей истории¹.

В целом появление федерализма в истории человечества обусловилось как естественным стремлением народов к организации единого общества, так и политикой более могущественных государств по включению в свой состав других народов и государств с сохранением их относительной самостоятельности.

Создатели конституционно-правового федерализма установили в нем более демократическую форму государственного устройства, обеспечивающего поддержание мира членами федерации, решение конфликтов между ними и центральной властью, гарантию прав и свобод человека на всей территории государства. Поэтому идеи и принципы федерализма оказали свое позитивное влияние на развитие политико-правовой мысли во многих странах, в результате чего начались интенсивные поиски демократического преобразования их государственного

*Атташе Департамента Северной Америки МИД РФ.

устройства. Конституционно-правовое федеративное государство впервые образовалось в США (1787 г.), затем в Мексике (1824 г.), Бразилии (1889 г.), Австралии (1901 г.), России (1918 г.) и других странах. В современном мире насчитывается более 180 государственных образований. Подавляющее большинство из них являются многонациональными, а федеративная форма закреплена в конституциях 25 государств с охватом 50% территории и трети населения планеты.

Устройство федеративных государств при некоторых различиях территориальной организации и форм правления основывается на общем понятии и принципах.

Понятие “федерализм” (от франц. *federalisme*) существует, с некоторыми редакционными различиями, давно. Оно отражено в работах отечественных и зарубежных авторов, в учебниках и энциклопедических словарях. В них федерализм рассматривается как система основных принципов определенной формы государственного устройства и его функционирования, отличающихся от унитаризма и конфедерации.

В отличие от унитарной формы, состоящей из административно-территориальных единиц, федеративная форма представляет собой объединение государственных и подобных образований. Если в унитарном государстве компетенция административных территориальных единиц устанавливается текущими актами центральной власти, то в федеративном государстве — конституционным разграничением компетенции между федерацией в целом и ее субъектами, обладающими государственной автономией. Федерация отличается также от конфедерации тем, что является не союзом государств, а единым союзным государством.

Понятие “федеративное государство”, “федерация” (от лат. *foederatio* — объединение, союз) — производное от понятия “федерализм” — в научной литературе определяется как “союзное государство”, “добровольное объединение государств в союзное государство на основе федеративного договора”, “более демократическая форма организации государства, чем унитаризм” и т.п.².

Понятие “федерализм” шире понятия “федерация”. Суть состоит прежде всего в том, что “федерализм” включает систему основных признаков и принципов определенной формы государственного устройства, характеризующих организацию и функционирование федеративного государства любой страны и отличающих его от унитарного.

К основным признакам федерализма относятся: государственноподобный характер объединенных в единое государство территориальных единиц — субъектов федерации; конституционное разграничение компетенции между ними и Центром; недопустимость изменения границ без их согласия; добровольность объединения государств и подобных образований в единое государство; понятие федеральной конституции и конституций субъектов федерации; однопорядковый (симметричный) конституционный статус субъектов федерации и их равноправие; конституционно-правовые разграничения суверенитета федерации и суверенности ее субъектов; общие территория и гражданство; единая денежная и таможенная системы; федеральная армия и другие институты государства, обеспечивающие его эффективное функционирование.

Федерация, как правило, создается “снизу”, то есть на основе союза

(договора, соглашения) объединяющихся в единое государство субъектов. Но она может создаваться также “сверху” путем преобразования унитарного государства, конфедерации или содружества. Однако независимо от создания федерации “снизу” или “сверху” безусловным требованием является выявление мнения народов соответствующих государств. Когда же создание федерации “снизу” или трансформация унитарного государства или межгосударственного образования в федеративное государство осуществляется “сверху”, без учета мнения образующих его народов, а тем более насильственным путем, то едва ли оно может претендовать на соответствующее ему название. Иначе говоря, независимо от образования федерации “снизу” или “сверху” доминирующим требованием (принципом) является добровольное согласие входящих в единое государство субъектов.

* * *

Сложившееся за последние два столетия в теории и международной практике общее понимание политической и правовой природы федерализма подвергается пересмотру в среде современных политических деятелей и в научной литературе. Развал федераций в СССР, Югославии, Чехословакии, а также усилившиеся тенденции к самоопределению народов с выходом из состава ряда федеративных и унитарных государств в определенной мере обусловили новые толкования федерализма и конструкции его моделей. В этих целях делается экскурс в историю современных федеративных государств и утверждается, будто мировой опыт существования федеративных государств выявил разновидности федерализма: “гегемонический”, “классический”, “американский дуалистический”, “монархический”, “республиканский”, “этнический”, “кооперативный”, “исполнительный”, “бюджетный”, “экономический” и т.п.³

Примером “гегемонической” модели федерализма считается Германия XIX века, в которой, в отличие от федераций буржуазных государств, отсутствовал принцип равенства субъектов федерации, ибо они не были одинаковы по занимаемой территории, по численности населения и экономическому потенциалу. Господствовала Пруссия с 62% населения страны⁴.

Относительно такого суждения следует заметить, что одним из основных принципов федерализма является не равенство субъектов федерации, а их равноправие в отношении к федеральной власти и между собой, упреждающее возможность гегемонии одного субъекта над другим. Что касается Германии XIX века, по своему устройству она была унитарным государством с некоторыми элементами федерализма. Из входящих в состав Германии монархических и республиканских государств Пруссия занимала бесспорное положение гегемона относительно других членов империи. Поэтому не подходит под понятие федерализма соединение нескольких государств, среди которых одно занимает господствующее место, а остальные находятся к нему в состоянии подчиненности⁵.

Суть модели “дуалистического” федерализма усматривается в существовании двух уровней власти, каждая из которых в пределах своих полномочий независима от другой. Считается, что такой федерализм не

предусматривает обязательного объединения штатов, земель и т.п. в единое союзное государство.

Критерием “республиканской” модели федерализма считается республиканская форма правления субъектов федерации. Соответственно в такой интерпретации суть федеральных отношений характеризуется как отношения между республиками. Если следовать такой логике моделей, то разновидностями федерализма могут считаться “парламентский”, “президентский”, “королевский” и т.п., а в итоге содержание федерализма как формы государственного устройства будет полностью сведено к форме правления.

Трудно представить также возможность “этнической” модели федерализма. Издавна известно, что федерация создается в результате объединения не одного, а ряда этносов с их государственными и национально-территориальными образованиями в единое государство. Даже в таком сравнительно моноэтническом государстве, как Германия, федерализм не является чисто немецким.

В основе модели “кооперативного” федерализма лежит идея объединения усилий Центра и мест для выполнения общих задач. Считается, что “федеральное государство” — это не только разграничение компетенций и полномочий между общегосударственными органами и членами федерации, но и кооперация усилий и интеграция в ведении общегосударственных дел. В этих целях создается “ряд учреждений”, которые организованы федерацией, но по функциям их можно квалифицировать как “общие органы”, так как они в одинаковой мере обслуживают как федерацию, так и земли⁶.

Увлекающиеся разными моделями федерализма авторы ссылаются на современную западную доктрину, в которой изменились подходы к исследованию проблемы, определению самого понятия федерализма, введены новые понятия и термины для обозначения процессов федерализации, применения в государственно-правовой практике различного рода федералистских устройств. Суть этих подходов состоит в том, что смысл федерализма сводится, с одной стороны, к предоставлению составным частям федерации самостоятельности и самоуправления, а с другой — к обеспечению их участия в управлении государственными делами. Федерализм в этом контексте сводится к обеспечению такого соединения различных групп в союз, которое позволяло бы осуществлять общие цели и при этом сохранять самостоятельность частей. Согласно такому подходу, применение федеративного принципа означает определенную комбинацию самоуправления и раздельного правления. Иными словами, это такое конституционное разделение власти, при котором составным элементам федерации принадлежит доля в процессе принятия политических решений и в управлении. В целом федерализм определяется как явление, которое предоставляет возможность применения множества вариантов для организации политической жизни. Применение федеративного принципа — это лишь один из возможных ресурсов для решения проблем, возникающих из национальных, этнических, лингвистических, расовых и иных конфликтов⁷.

Что же нового мы видим в теории федерализма современных западных исследователей? Согласно комментариям В.Е. Чиркина, “роль

федерализма трактуется в западной науке более широко: он рассматривается прежде всего не как совокупность структур и норм, а как процесс, призванный заглушать конфликты Центра и мест, устанавливать их взаимодействие, обеспечивать наиболее целесообразные в данных условиях методы управления”⁸. Как видим, **федерализм характеризуется в зависимости от политической конъюнктуры и деятельности властвующих сил**. Иначе говоря, федерализм сводится лишь к отдельным элементам управления и не рассматривается прежде всего как форма государственного устройства с определенной совокупностью структур и норм, с единой конституцией, без которых она немыслима.

В упомянутой монографии обращается внимание и на то, что в современных западных теориях федерализация отнюдь не означает установления федеративной системы в обычном смысле. Считается, что при столь широком подходе к определению федерализма в число государств с федеративным устройством наряду с традиционными федерациями включаются также унитарные государства, применяющие федеративные принципы для применения требований самоуправления и раздельного правления⁹. Однако наблюдающиеся процессы федерализации унитарных государств еще не могут служить основанием для включения их в разряд федераций, тем более если это выражается лишь в применении принципов самоуправления и раздельного правления, ибо они имеют место в любой форме государственного устройства.

В ряду новых моделей федерализма появились **“бюджетный”** и **“экономический”**. Суть первого состоит в сведении понятия “федерализм” к “бюджетной политике в федеративном государстве”. А “экономический” федерализм определяется как “способ воспроизводства многонационального российского гражданского общества по его политической и социально-экономической структуре”¹⁰. Однако эти сферы деятельности характерны не только для федеративного, но и для любого государства. Если следовать подобным определениям и толкованиям федерализма, то с не меньшим основанием можно говорить о **“промышленном”, “аграрном”, “оборонном”, “научно-образовательном”** и т.п. федерализме. Бесспорно, федерализм предполагает регулирование экономических, бюджетных, транспортных и иных отношений между федерацией и ее субъектами, но не сводится к ним.

В юридической и политологической литературе имеются разные мнения также по вопросу **“симметричной”** и **“асимметричной”** моделей федерализма. Одни считают, что основным признакам и принципам федерализма соответствует “симметричная” федерация, предполагающая однопорядковый конституционный статус субъектов федерации. По мнению же других, их статус может быть “асимметричным”. В целом по проблеме “асимметричной” федерации сталкиваются два подхода: одни считают, что в федеративном государстве асимметрия возможна, но не в конституционном статусе субъектов федерации, а другие асимметрию рассматривают как возможность объединения в федеративном государстве наряду с субъектами федеральных земель и ассоциированных членов, примкнувших территорий и т.п. Более того, допускается предоставление отдельным субъектам отличного от других конституци-

онного статуса, вплоть до признания за ними самостоятельного субъекта международного права.

Наиболее последовательно концепция “асимметричной” федерации отстаивается в работах В.Е. Чиркина. “Симметричная федерация, — пишет он, — в известной мере идеал. Однако жесткое конкретно-практическое проведение этой идеи в жизнь способно привести к игнорированию интересов тех или иных этнических общностей и территориальных коллективов, которые сильно разнятся по своей численности, уровню развития и другим характеристикам. Симметрия не может учесть экономических, исторических и иных особенностей отдельных регионов”¹¹. Такое утверждение не согласуется с международным опытом федерализма, который свидетельствует, что гармоничное сочетание различных интересов этнических общностей и регионов обеспечивается лишь при симметричном конституционном статусе объектов федерации, составляющих основу их равноправия в едином государстве.

Симметрия федерации выражает суть такой формы государственного устройства, в котором входящие в его состав субъекты имеют равноправный конституционный статус, а асимметрия — возможность разных полномочий этих субъектов в зависимости от географических, экономических и других условий. Иначе говоря, федерация как форма государственного устройства предполагает безусловное наличие конституционно равностатусных составных частей при возможном предоставлении каждой из них дополнительного объема и характера полномочий для практической реализации своих функций. В федерации каждый уровень управления осуществляется “своим правительством”. Необходимо видеть различие между “статусом” и “объемом и характером” полномочий субъектов федерации. “Статус” субъекта федерации состоит в его равноправном политико-правовом положении в федеративном государстве, а “объем полномочий” — в правовом механизме их деятельности по реализации своих функций, обусловленных их специфическими условиями.

Оптимальное разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и субъектами является важнейшим условием эффективного функционирования федеративного государства. Для этого следует уточнить содержание понятий “предмет ведения” и “полномочия”. Практика показывает, что отождествление этих понятий приводит к отрицательным последствиям в законотворческой и практической деятельности федеральных органов и органов субъектов федерации.

Само понятие “предмет” означает определенное материальное или иное явление, власть, объект. В данном случае предмет ведения — это государственная функция по основным сферам жизни общества, он является прерогативой государства и его составных частей. Вопрос о разграничении предметов ведения между федерацией и ее субъектами — это вопрос об отношениях между федерацией и ее субъектами. Вопрос же о разграничении компетенции между отдельными видами федеральных органов и отдельными видами органов субъектов федерации — это вопрос об отношениях, во-первых, между отдельными видами федеральных органов; во-вторых, между отдельными видами органов субъектов федерации; в-третьих, между федеральными органами и органами субъектов федерации¹².

Полномочие — это предоставленное законом или иными правовыми актами право субъекту (органу или должностному лицу) совершать действия, принимать решения по конкретным вопросам управления. Полномочия производны от предметов ведения.

Предметы ведения федерации и ее субъектов закрепляются в федеральной конституции. Для их реализации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, в которых определяются полномочия (компетенция) государственных органов федерации и ее субъектов.

Государству присуще свойство суверенитета, а его органам — предметы ведения и полномочия. Разграничение предметов ведения между федерацией и ее субъектами отражает уровень суверенитета федерального государства и суверенности входящих в его состав образований. Разграничение же полномочий устанавливает объем юридически представленных федеральным органам и органам субъектов федерации прав на решение определенного круга вопросов и на издание определенных видов правовых актов. В этом смысле понятия “полномочия” и “компетенция” тождественны. Вместе с тем понятие “компетенция” несколько шире, его применение возможно не только для характеристик полномочий определенных органов власти и управления, но также для констатации принадлежности “предмета ведения” федерации или ее субъекту. Следовательно, асимметричность в федерации может иметь место в предметах ведения и полномочий субъектов федерации на основе договоров между ними и федеральными органами государственной власти. Но такая “асимметричность” не доминирует над симметричностью конституционного статуса субъектов федерации, то есть их конституционно-правовым равноправием как главным принципом федерализма.

Как отмечалось, одним из аргументов обоснования “асимметричной” модели федерализма является возможность нахождения в федеративном государстве кроме субъектов федерации и других территориальных образований: федеральных территорий, федеральных округов (он всегда один), федеральных владений, ассоциированных государств и иных несубъектов¹³. При этом ссылаются на пример США, к которым примыкает несколько ассоциированных государств (“свободно объединившиеся” Пуэрто-Рико, Республика Палау, Федеральные Штаты Микронезии и др.). Но из этого не следует, что США являются моделью ассоциированного федеративного государства. Названные государства “примыкают”, но не “входят” в состав федеративного государства США наравне с его штатами.

Подтверждающая научную теорию федерализма международная практика показывает, что “несубъекты” и “ассоциированные члены” не являются составной частью федерации. Всякое федеративное государство, хотя оно и состоит из отдельных субъектов (штатов, земель, республик, краев, кантонов, провинций), представляет собой единое, целостное государство и отнюдь не является какой-либо формой объединения отдельных государств¹⁴. Федеративное государство имеет единую территорию, население и власть на всей территории. Этим оно ближе к унитарному государству, но отличается от конфедерации. Последняя, как известно, является формой союза государств, сохраня-

ющих свой суверенитет практически в полном объеме. Федеративное государство строится на принципах федерализма, а не на смешанных конфедеративных ассоциированных и иных сочетаниях. Последние могут предшествовать становлению федерации, но не “существовать” в ней.

Для обоснования “асимметричной” модели федерализма ссылаются также на неравный конституционный статус субъектов Российской Федерации. Однако такая федерация в России изначально создавалась не по воле входящих в нее субъектов (“снизу”), а партийно-государственными органами (“сверху”). Бесспорно, что создание волей политиков “неодинаковых субъектов” федерации создает “асимметрию”, но это не соответствует самой идее федерализма, предполагающей конституционно-равноправный статус всех членов единого федеративного государства. Прошлый опыт убедительно показал, что разный конституционный статус субъектов Российской Федерации (республики-государства, края, области, автономные образования) фактически создает возможность национального неравноправия. Без равноправия субъектов федерации не может быть равноправия народов.

Появление всякого жизнеспособного федерализма содержит в себе унитарную идею, то есть идею единства и целостности государства, основного, как правило, на равноправии субъектов и местного самоуправления. В тех странах, в которых привычка к подчинению закону отложилась в генной памяти поколений, неизбежно наблюдается тенденция следования унитарным устоям государства, основные части которого пользуются достаточно широкими полномочиями. Об этом свидетельствует исторический опыт утверждения федерализма в США, Германии, Австрии, Швейцарии, Австралии и других государствах. Неоднородная структура федерализма допускалась в ряде стран на первых этапах его утверждения. В большинстве же стран федерализм строился на принципе равноправия субъектов. А на современном этапе преобладает общая тенденция выравнивания статуса субъектов федерации с ограниченностью их суверенитета во всех федеративных государствах мира. При этом федеральные органы обладают общей компетенцией осуществления государственной власти и управления на территории всего государства, а субъекты федерации — ограниченными юрисдикцией и правом власти и управления на своей территории. Верховная федеральная власть осуществляется ими сообща. Так в основном построены федеративные государства мира.

В федеративном государстве асимметрия возможна, но не в конституционном статусе субъектов федерации, а в их представительстве в федеральных органах, объеме полномочий, которые определены федеральной конституцией и заключенными на ее основе договорами и федеральными законами. Соответственно этому речь должна идти не о безусловном “асимметричном” федерализме, а об асимметрии управления в федеративном государстве.

Сфера деятельности и компетенции как федеральных органов, так и субъектов федерации по управлению экономикой, бюджетом, социальной сферой и другими вопросами должна прежде всего соответствовать установлениям федеральной конституции. В то же время реализация однотипных полномочий совместного ведения в разных регионах и

национально-государственных и территориальных образованиях потребует учета местных особенностей. Именно этот объективный фактор может обусловить асимметричность в подходах по их практической реализации. А это потребует предоставления им дополнительных правовых и иных возможностей. Такая асимметричность тем более возможна при реализации субъектами федерации всей полноты власти в тех вопросах, которые не входят в предметы ведения федерации и совместного ведения с субъектами федерации. Но это не имеет ничего общего с особым статусом, отличным от конституционного статуса других субъектов федерации. “Субъект федерации”, “ассоциированное членство в федерации”, “государство, объединенное с федерацией” — не тождественные понятия. Недопустимо создание асимметрии также на базе договорного отказа от фундаментальных положений конституции федеративного государства. Федеральные органы правомерны заключать договоры с отдельными субъектами федерации, но такие договоры должны носить государственно-правовой, а не межгосударственный, характер и заключаться не по мотивам сиюминутной политической целесообразности, а в строгих рамках федеральной конституции и не противоречить ей¹⁵. Двухсотлетняя практика в США, а позже и в других странах показала жизнеспособность и эффективное функционирование федераций, построенных на симметрии конституционного статуса субъектов федерации. И напротив, построенные на асимметрии их статуса федерации находятся в состоянии постоянного реформирования или опасности распада.

Таким образом, федерализм, как и другие формы государственного устройства, имеет общие принципы организации и функционирования, независимо от того, в какой стране он создан и как он именуется. В современном мире федерализм как форма государственного устройства с общими принципами имеет место в США, Канаде, Мексике, России и ряде других стран. А наличие некоторого различия в предметах ведения и полномочиях федеральных органов и субъектов федерации этих стран не означает существования разных моделей федерализма. Наименования “американский” федерализм, “канадский” федерализм, “русский” федерализм и т.п. означают не существование разных моделей федерализма, а указание на то, что в этих странах государство является федеративным.

Подобно тому как нелегко один и тот же общественно-политический строй (федерализм, капитализм, социализм и др.) именовать в зависимости от названия страны и формы правления, так и федерализм не может различаться в зависимости от того, в какой стране он имеет место. Федерализм един с основными принципами своей организации. В этом вопросе правы авторы, по мнению которых “федерализм есть федерализм” и ничего больше. Единственной моделью федерализма является федерализм¹⁶. А различия в представительстве субъектов в парламенте государства или неидентичность их полномочий не могут служить основанием для их разномодельной классификации на “симметричный”, “асимметричный”, “централистский”, “децентралистский”, “исполнительный”, “монархический”, “республиканский”, “бюджетный”, “экономический” и т.п. Если же входящие в состав единого государства

субъекты имеют разный статус или объединены для решения определенных задач и процесса урегулирования конфликтов, то, возможно, такое объединение следовало бы назвать конфедерацией, или “совокупным государством”, которое может иметь такие разновидности, как реальный союз, альянс (слабо связанное государственное объединение) и “персональный союз”¹⁷.

В последние годы такое объединение создается рядом европейских государств, хотя некоторые авторы называют его “федеративно-государственным”. Основанием для такого мнения является то, что взаимодействие национально-государственного и еврофедерального факторов строится на принципе субсидарности: Европейскому сообществу передаются полномочия, которые наиболее оптимально могут осуществляться на европейском уровне. Это закреплено в Конституции ЕС (договорное законодательство объединения). Конкретно ЕС передан ряд полномочий в области сельскохозяйственной политики, транспорта и др. Многие из этих полномочий осуществляются на параллельных основах с национальными государствами-участниками. Есть Европарламент, Совет министров ЕС, Комиссии ЕС, Европейский Суд (выполняет функции Федерального суда и Конституционного суда). Совет министров и Комиссии издают правовые акты (постановления, директивы), наделенные нормативной силой и близкие к нормам государств-участников. Государственные границы стали сквозными. Есть единый бюджет. Европа нарождается как федерация, открытая для всех народов, которые приемлют ценности государств-учредителей.

¹ Об истории и теории федерализма см.: История государства и права зарубежных стран (рабовладельческое и феодальное государство и право). — М., 1980; Федерализм в зарубежных странах/Под ред. Д.А. Ковачева и др. — М., 1993; Абдулатипов Р.Г., Балтенкова Л.Ф. Опыт федерализма. — М., 1994; Еллинек Г. Общее учение о государстве. — СПб., 1903; Козлова Н.Ю. Буржуазные учения о федерализме XVIII—XIX вв. — М., 1988; Остром В. Смысл американского федерализма/Под. общ. ред. А.В. Оболенского. — М., 1993; Токвиль А. Демократия в Америке/Комментарий В.Г. Олейника. — М., 1992; Федералист: политическое эссе А. Гамельтона, Дж. Медисона и Д. Джея/Общ. ред. Яковлева Н.Н. — М., 1993; Черниловский З.М. Всеобщая история государства и права. — М., 1973; Яценко А.С. Теория федерации: опыт синтетической теории права и государства. — Юрьев, 1912; и другие работы.

² См. Баглий М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. — М., 1996. — С. 155—156; Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России (учебник). — М., 1995. — С. 108; Конституционное право зарубежных стран (учебник)/Под ред. Б.А. Страшуна. Т. 2. — М., 1995. — С. 352, 364, 365; Конституционное право (учебник)/Под ред. Д.Е. Козлова. — М., 1996. — С. 201—202; Стрекозов В.Г., Казанцев Ю.А. Государственное (конституционное) право Российской Федерации (учебник). — М., 1995. — С. 150; Каваленко А.И. Конституционное право России (учебник). — М., 1997. — С. 106; Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. — 1902. — С.405; Энциклопедический словарь “Гранат”. — Изд. 7-е. — С. 83; Энциклопедический юридический словарь. — М., 1996. — С. 336; и другие работы.

³ См. Аболин О.Ю. Всемирный и европейский федерализм/“Полис”. — 1994. — № 5. — С. 143.

- ⁴ См. *Кастель Е.Р.* Германский федерализм: историко-правовое исследование. — Екатеринбург, 1994. — С. 3—4, 22.
- ⁵ См. Энциклопедический словарь "Гранат". — С.82—83.
- ⁶ См. Государство и право. — 1994. — № 3. — С. 121.
- ⁷ См. Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. — М., 1993. — С. 22—24.
- ⁸ См. *Чиркин В.Е.* Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. — 1994. — № 8—9. — С. 154.
- ⁹ См. Государство, право и межнациональные отношения в странах западной демократии. — С. 22—23.
- ¹⁰ См. Этнополис. — 1995. — № 2. — С. 53; № 3. — С. 82.
- ¹¹ См. *Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство. — М., 1997. — С. 26.
- ¹² См. Федерация в зарубежных странах / Отв. ред. Д.А. Ковачев. — М., 1993. — С. 17.
- ¹³ См. *Чиркин В.Е.* Современное федеративное государство. — С. 28—34.
- ¹⁴ См. Федерация в зарубежных странах. — М., 1993. — С. 3.
- ¹⁵ См. *Эбзеев Б., Карапетян Л.* Российский федерализм: равноправие субъектов и асимметрия // Государство и право. — 1995. — № 3. — С. 8—11.
- ¹⁶ См. *Задарновский Б.Б.* Национальная политика в Российской Федерации. — М., 1993. — С. 67—68.
- ¹⁷ См. Федерация в зарубежных странах. — 1993. — С. 232.

Статья поступила в редакцию в декабре 1998 года.

ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СЛЕДУЕТ КОНКРЕТИЗИРОВАТЬ

А.В. Авдокушин*, В.Г. Маюров**

Устав ООН закрепляет в качестве одной из основополагающих ее целей гарантирование прав и свобод любого человека без различия его пола, возраста, расы, национальности, религиозной и государственной принадлежности, имущественного и образовательного ценза. Одновременно в качестве цели закрепляется гарантирование права народов на самоопределение: "... все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие..."¹

По традиции, ведущей начало с работ В.И. Ленина, это право понимается в России и странах, испытавших коммунистическое влия-

*Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой международных экономических отношений Московского университета потребительской кооперации.

**Кандидат экономических наук, доцент той же кафедры.